

Солнце парило над растянувшимся лабиринтом ветхих зданий, борющихся друг с другом за пространство, сетью переулков, вьющихся вокруг их ног, как ползучие лианы. Высокая стена окружала город, а сразу за его воротами разбросаны участки поселений, мирных жителей, которым не посчастливилось урвать себе кусок королевского города. На самой вершине самого высокого холма, глядя на жителей как божество, стоял огромный Красный Замок, кроваво-красный и грозный. Он был больше Винтерфелла, но Арья думала, что ее дом гораздо более гостеприимный, чем этот дворец с башнями в форме черных шипов, сердито пронзающих небо. Она думала, что ей совершенно не хотелось бы жить там вечно. В ней зародилась жалость к королю и его семье.

Сияющий свет послеполуденного солнца заливал город глубокими золотыми оттенками, создавая иллюзию романтической картины. Ее нос сморщился. Это определенно не пахло романтической картиной, и она подавила кляп, когда особенно отвратительная вонь ударила ее в лицо.

«Отец говорит, что это уже не то, что раньше. Канализационная система короля почти готова», — услышала она голос Рикона, прищипывая свою лошадь, чтобы нестись рядом с ней. Золотые ворота столицы гордо стояли у подножия их холма, всего в часе езды, и тело Арьи билось от возбуждения.

Она повернулась к брату, его силуэт слился с залитым сапфирами небом. Он мог бы быть частью этой картины, рассеянно размышляла она, с волосами такими же рыжими, как камни дворца, и глазами такими же голубыми, как небо над головой. В отличие от нее, конечно. Арья не думала, что она будет особенно хорошо смотреться в этом образе, с ее серыми глазами и невзрачной внешностью. В конце концов, искусство было прекрасно, и о ней никогда не было сказано ни слова. Они были для ее братьев и сестер, которые несли лето на своих плечах, а она была зимой до мозга костей.

А Королевская Гавань, думала она, действительно город огня.

Рвота Рикона вырвала ее из размышлений, и она усмехнулась над несчастным лицом брата. «Возможно, тогда вам следует поговорить с Его Светлостью о его сомнительной системе», — предложила она и подавила очередной смешок над его страдальческим выражением лица.

Он завязал рот тканью и вздохнул с облегчением, прежде чем снова повернуться к ней с яркими глазами. — Как ты думаешь, Санса придет? Она сказала, что попытается в своих письмах. Обнадеживающий голос Рикона был легким, как ветерок, несмотря на то, что он был приглушен. Раньше Санса укладывала его в постель со сказкой и милой песней, наполняя его голову мечтами о принцессах и рыцарях в сияющих доспехах. Их значительная разница в возрасте означала, что Санса часто заботилась о нем, успокаивая его страхи перед грозой и наказывая его за то, что он съел десерт до того, как доел зелень. Больше всего он был потрясен, когда их старшая сестра уехала, и она знала, что одной из причин, по которой он согласился приехать на юг, была возможность увидеть ее снова.

Арья грустно улыбнулась ему. «Отец сказал, что она уже будет беременна. Ей небезопасно находиться в дороге». Увидев его разочарованный взгляд, она протянула руку и ободряюще сжала его руку. — Но мы можем попросить заехать в Хайгарден на обратном пути! В пути еще несколько недель, но я уверен, что отец тоже не хотел бы упустить возможность увидеть ее.

Рикон потянулся, чтобы снять ткань, закрывавшую его лицо, и просиял ей, немного выпрямившись в седле. Арья не хотела, чтобы он грустил, она хотела, чтобы он поделил ее счастье, и если это означало, что ее отец будет приставать к отцу после турнира на Западе,

пока он не разозлится, то пусть будет так. Следующие несколько недель должны были быть абсолютно идеальными.

Когда перед ними замаячили большие ворота, ее мысли вскоре унеслись далеко, мечтая о поединках и аплодирующих толпах, и в ее мечтах они всегда приветствовали ее.

ooo

Солнце плыло над ним, как пылающая комета, его жгучие лучи врезались в его кости и кипятили его кровь. Он чувствовал, как тепло ласкает его шею гладкими пальцами, медленно и соблазнительно.

Он поморщился, вытирая пот со лба, осторожно натягивая поводья своей лошади и останавливаясь, чтобы дотянуться до фляги с водой, привязанной к его бедру. Эйгон остановился рядом с ним на своем жеребце, чтобы тоже допить свой напиток.

Они воспользовались моментом, чтобы посмотреть на мутные воды залива, проблески темно-синего цвета проглядывали сквозь пряди коричневой и серой грязи, просачивающейся в море. Волны вились и колыхались под бесконечным голубым небом, не более чем пятнышко облака, портящее его чистоту. Взгляд Джона устремился к горизонту, и он почувствовал, как комки тоски заняли в его желудке. Насколько легко было бы украсть лодку рыбака и просто уплыть по течению? Не забота о мире, а простая жажда открытий?

Он яростно стряхнул мысли с головы. Их было опасно даже рассматривать.

Ему потребовалось три дня после катастрофического обеда, чтобы набраться смелости и обратиться к королю с намерением обжаловать решение о женитьбе. В это время он почти не спал - короткая передышка от волчьих снов, - но вряд ли желал в таком состоянии. У него раскалывалась голова, и он боялся встречи с отцом, не имея при себе рассудка.

Губы Джона скривились при воспоминании о том утре.

«Я прошу один год, ваша милость», — умолял он бесстрастного Рейгара. «Я приму помолвку, но прошу разрешения увидеть королевства до того, как я выйду замуж. Может быть, я буду твоим посланником?» Он так надеялся, думая, что согласие на желание Рейгара найти жену во время турнира может дать ему некоторую снисходительность.

Он должен был знать лучше.

Его отец просто смотрел на него, как на непослушного ребенка на улице, с легким любопытством и оттенком раздражения в двойных безжалостных лужицах аметиста.

«У меня уже есть свои представители», — сказал он тихо, потому что его милостивый король никогда не повышал голоса. Дракону не нужно было рычать, чтобы пугать овец. «Я не вижу причин, почему вы должны путешествовать, когда у вас есть все, что вы можете пожелать здесь, дома. Вы принц с ответственностью и обязанностями, которые вы не можете приковать к другому, чтобы утолить свою страсть к путешествиям. Ответ — нет». Последнее слово прозвучало сквозь солнце и пронзило его сердце, как кинжал, его лезвие отравляло кровь вокруг него.

Ему хотелось спорить, злиться, горько спрашивать, почему. Рейгар отказался отпустить его из Красной крепости, когда Эйгону разрешили отправиться в Солнечное Копье. Эйгон, наследный принц, когда он был всего лишь вторым сыном. Драконий Камень и Саммерхолл были

единственными двумя местами, которые ему было позволено увидеть, но одно было домом его предков, а другое — правом по праву рождения, так что Джон вряд ли считал их честной сделкой.

Вместо этого он склонил голову, прикусил язык так сильно, что пошла кровь, и повернулся на каблуках. Подойдя к двери, он услышал голос короля, вызвавший его имя.

— Да, ваша светлость?

И эта проклятая надежда снова восстала из пепла только для того, чтобы быть оскверненной в последний раз.

«Никогда больше не спрашивай меня об этом».

Крики чаек мгновенно вырвали его из безысходных воспоминаний. Он медленно моргнул и заметил, что костяшки его пальцев побелели от давления, когда он в ярости крепко сжал поводья. Глубоко вздохнув, он ослабил хватку и взял свои эмоции под контроль, позволив им отступить, как волнам на берегу. С того момента прошли недели, теперь не было смысла расстраивать себя.

Он взглянул на Эйгона, лениво наблюдавшего за рабочими, слоняющимися по бухте. Это была одна из их привычек — ездить вдоль береговой линии, возможность проветрить головы и уловить момент свободы от своих обязанностей.

Он закусил губу, размышляя над тем, чтобы поделиться своим разговором с Рейгаром. Он не сказал своим братьям и сестрам о том, что произошло; он не думал, что сможет вынести их взгляды, полные жалости. Все равно делать им было нечего. Они были так же связаны законами своего отца, как и он, хотя он изо всех сил пытался понять, почему его законы были настолько суровее.

«Эйгон, — неуверенно начал он, глядя на море, — как ты думаешь, почему отец не хочет, чтобы я покинул Красный замок? Странно, не так ли? Как будто он чего-то боится». Одна причина вкралась в его мысли непрошено, как жестокий, холодный утренний туман. Он тут же вытолкнул его, его желудок скрутило.

Когда его брат долго не отвечал, он оглянулся. Эйгон, казалось, погрузился в собственные размышления, поэтому Джон толкнул его в плечо.

— Осторожнее, не слишком много думай, Эгг, — сказал он со смешком. — Не хотел бы, чтобы ты навредил себе. Ты слышал, о чем я спросил?

Эйгон моргнул в ответ, как будто только что понял, что Джон существует. Его губы тронула хмурая гримаса, мало портившая его красивое лицо. «Нет, извините, я этого не делал». Он не звучал особенно извиняющимся.

Как только Джон открыл рот, чтобы повторить свой вопрос, Эйгон внезапно выпалил: «Как ты думаешь, я был бы хорошим королем?»

Он был ошеломлен, немного раздражен прерыванием, но пожал плечами. В любом случае, это было нелепо — думать что-то столь зловещее о собственном отце. На мгновение Джон подумал, не посмеяться ли над Эйгоном, сказав, что обанкротит землю за одну ночь, но счел это неприятным. Его брат выглядел намного серьезнее, чем когда-либо, и он не думал, что оценит его шутку.

Он нахмурил брови и тщательно подбирал слова. У Джона, конечно, было свое мнение, но он редко озвучивал его. Было мало смысла ссориться с теми немногими друзьями, которые у него были. «Тебя обучали этому с рождения, и ты хорошо знаешь законы нашей страны. Не понимаю, почему с тобой не все в порядке».

"Хорошо?" — с удивлением повторил его брат. «Я не хочу быть в порядке, Джон, я хочу быть хорошим. Я хочу быть лучше, чем хорошим». Его голос стал громче, в каждом слове звучала страсть. Джон не видел его в таком пылу с тех пор, как они открыли свой первый публичный дом в городе, когда ему было одиннадцать. «Я хочу быть лучшим королем, которого этот проклятый мир не видел уже давно. Знаешь, что люди говорят обо мне на улицах? Знаешь, Джон?» — отчаянно спросил он.

Джон точно знал, что о нем говорят на улицах, но у него хватило ума покачать головой.

«Говорят, я никогда не буду наполовину таким королем, как наш отец. Ты можешь в это поверить?» — недоверчиво воскликнул он. Он вскинул руки в воздух. «Они на самом деле думают, что этот бесполезный мешок с костями — величайшее дерьмо, которое когда-либо существовало...»

Джон протянул руку и хлопнул ладонью по губам брата, к большому негодованию того. Он быстро огляделся и, только когда увидел, что в пределах слышимости никого нет, удалился.

"Ты идиот!" — прошипел он. «Ты не можешь публично оскорблять короля! Что с тобой? Они будут говорить о том, что ты планируешь узурпировать его права, если не будешь осторожен. Ты этого хочешь?» Когда Эйгон грустно покачал головой, он позволил своему гневу рассеяться. — Что случилось, брат? — вместо этого спросил он, и в его голосе звенела тревога. «Это не первый слух, который вы слышите, и он никогда вас раньше не беспокоил. Что случилось?»

Эйгон поерзал в седле, избегая смотреть ему в глаза. Вместо этого он играл поводьями. — Теперь все становится таким реальным, — пробормотал он тихим голосом, так низко, что Джону пришлось наклониться, чтобы поймать его. «Однажды я буду сидеть на Железном троне».

Джон сузил глаза. — Это тебе только что пришло в голову? Где ты был последние двадцать два года?

"Это не то, что я имел в виду." Эйгон одарил его испепеляющим взглядом. «Турнир через два дня, а через несколько недель я женюсь, Джон. А потом я еду на Драконию Камень с женой и еще большими ожиданиями. Я едва справился с теми шестью лунами, что провел там!» Он вздохнул от жалости к себе, на его бледном лице отразилась уязвимость, которую он редко позволял видеть другим. — Я не могу этого сделать, — прошептал он, и его слова были полны горя, как свечной воск.

Джон задумчиво смотрел на брата, воздух наполнялся сердечной болтовней по мере того, как набережная становилась все более оживленной в жаркий полдень. Счастливым смехом, донесшийся до их ушей, резко контрастировал с мрачным выражением лица Эйгона.

— Ты любишь ее? Рейнис?

Грусть сменилась тревогой. "Какое это имеет отношение к чему-нибудь?"

"Ответь мне."

Эйгон усмехнулся. «Конечно, знаю, ты это знаешь», — он отмахнулся от Джона, взмахнув рукой. — Она тоже это знает.

— Вы спрашивали ее, как она ко всему этому относится?

Эйгон недоуменно уставился на него. — Зачем мне это? Это Рейнис, — медленно сказал он, как будто обращаясь к глупому ребенку. «Она никогда ни о чем не беспокоится. И дело не в ней, дело в том, что я правлю. Продолжай в том же духе, брат».

Джон фыркнул, закатив глаза. — И в этом твоя проблема.

Он был вознагражден еще одним озадаченным взглядом.

Джон подавил вздох. Он любил своего брата с силой солнца, но большую часть времени желал только задушить его. Он знал, что лучше не вмешиваться в странную динамику отношений своих братьев и сестер, но Джон многим был обязан Рейнис, гораздо больше, чем Эйгону.

В тот год, когда Эйгон отсутствовал, именно Рейнис залезла в оставленную им дыру, успокаивая его горечь нежными словами. Там, где Эйгон был хаосом и лесным огнем, она была мягким бризом и летним дождем. Джон был вне себя от ярости, когда Рейegar отказал ему в просьбе стать оруженосцем на Севере с семьей его матери, и именно Рейнис увела его, когда на следующий день он ворвался к отцовскому солярию. Это был первый из многих моментов, когда она не дала ему опозориться перед королем.

Именно Рейнис научила его направлять свой гнев и контролировать свой язык, спасая его от многих бедствий. Это Рейнис в нежном возрасте девяти лет отчитывала других придворных дам, когда они насмеялись над ним и называли ублюдком, который настоял на том, чтобы Элия поцеловал на ночь всех троих детей, а не только двоих.

Он знал, что именно Рейнис станет правителем, в котором нуждается королевство. Будущее их династии.

И именно эти мысли привели к тому, что Джон сказал: «Ты не ценишь то, что имеешь, брат. великий король, тогда она поможет тебе им стать».

Он ожидал, что Эйгон разозлится и набросится на оскорбление. Вместо этого серебряный принц запрокинул голову от смеха.

«Осторожнее, Джон, — шутливо заметил он, — если бы я был ревнивым человеком, я бы сказал, что ты хочешь мою невесту».

В любой другой ситуации Джон ответил бы «да» и подмигнул, но он понял попытку Эйгона отвлечь внимание от нежелательного разговора, когда увидел это.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Эгг, — предупредил он. «Ты по-прежнему берешь в постель других женщин и не пожалел мысли обсудить свою чертову свадьбу с единственным другим человеком, который понял бы тебя и твои опасения. Ты не думаешь, что что-то из этого должно измениться в ближайшее время?»

— О, не пытайся со мной заниматься этой моральной чушью, — внезапно рявкнул Эйгон, его улыбка исчезла, а глаза вспыхнули гневом, словно предупредительные колокольчики. «Рейнис прекрасно знает, за кого она выходит замуж. Если она не обеспокоена, то и тебе не стоит беспокоиться. Я дорнийец, Джон. Моя кровь кипит сильнее, чем у большинства, разве ты не

знаешь?» В мгновение ока его настроение поднялось, темные облака ярости рассеялись в ярком залитом солнцем небе при подбрасывании монеты. Он ухмыльнулся брату, приподняв бровь. «Или ты бы сделал это, если бы позволил мне научить тебя кое-чему».

Джон закатил глаза и отказался отвечать. Не было смысла толкать его сейчас, когда угроза полномасштабного спора нависла над его плечом. Вместо этого Джон просто пришпорил свою лошадь и повернул к Красному Замку. Смех серебряного принца за его спиной разносился по окровавленному послеполуденному небу, когда они вместе галопом возвращались во дворец.

<http://tl.rulate.ru/book/80889/2472572>